

Мить Александр Анатольевич

Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря (1942-1960 гг.)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Кемерово 1997

На правах рукописи

Специальность 07.00.02. - Отечественная история

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
доцент Л.И. Гвоздкова

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор В.П. Машковский
кандидат исторических наук, доцент В.А. Сергиенко

Ведущая организация: Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской Академии наук

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Среди задач, стоящих перед отечественной исторической наукой на современном этапе, одной из важнейших является переосмысление пути, пройденного нашей страной за годы советской власти. Исследование отдельных сторон деятельности государства и общества, приведших к современному кризисному состоянию, возможно только с учетом всего многообразия направлений, течений, отдельных сюжетов исторического развития. История политических репрессий и системы исправительно-трудовых учреждений является одним из таких направлений. Большое значение для осмысления карательной деятельности государства имеет разработка в конкретно-исторических исследованиях отдельных видов и специфики осуществления террора и использования подневольного труда граждан.

Подразделения ГУЛАГа имелись практически во всех регионах Советского Союза, «перемалывая» сотни тысяч, миллионы людских судеб. На территории Кемеровской области, активно промышленно осваиваемой в годы советской власти, были представлены различные подчиненные ГУЛАГу структуры: специальные трудовые поселения, отряды тылоополченцев, тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря и колонии. В современных исправительно-трудовых учреждениях области содержится свыше 50 тыс. осужденных, которые, выйдя из мест заключения, оседают в городах и селах Кузбасса. Как сами бывшие заключенные, так и их потомки способствуют проникновению в общество мировоззрения, привычек и традиций лагерной жизни. Корни современного кризиса в духовной сфере, высокого уровня криминогенности в Кузбассе уходят в недавнее историческое прошлое.

На примере изучения численности и состава заключенных Сибирского ИТЛ, одного из крупнейших подразделений ГУЛАГа, можно определить как реальную роль и место лагерных подразделений и их контингентов в развитии социальной и производственной сфер расположенных вблизи него территорий, так и их влияние на современные социальные процессы в Кузбассе.

Степень изученности темы. Исследований по истории советской пенитенциарной системы, в отличие от работ по другим аспектам репрессивной политики, не так много. Идеологическое воздействие, недоступность источников, строгая тайна, которой были окружены все исправительно-трудовые лагеря, - все это наложило отпечаток на полноту и объективность освещения истории лагерей советского периода. Сибирский ИТЛ не рассматривался как самостоятельный объект изучения вплоть до начала 1990-х гг. Именно поэтому мы считаем необходимым проследить изменения, произошедшие в исследованиях по истории советской пенитенциарной системы.

Уже в послеоктябрьский период, когда только зарождались первые трудовые колонии и лагеря, начали появляться работы, в которых обосновывались основные подходы к формированию пенитенциарной системы молодого советского государства. Авторы первых трудов об исправительной системе в СССР опирались на принципы классового подхода¹. Исходя из этого, они обосновывали необходимость применения насилия, жестких методов по отношению к классовым врагам, мешающим строить социализм. Однако в данных работах отсутствовал серьезный анализ складывающегося в молодом советском государстве карательного аппарата, лишь немногие историки, находившиеся в эмиграции, гневно обличали красный террор².

В условиях жесточайшей цензуры и тотального контроля со стороны карательных органов в 1930-е - сер. 1950-х гг. в СССР не могло появиться ни одной работы по данной теме. Существовавшие в середине 30-х гг. оппозиционные течения практически не оспаривали необходимость проведения репрессивных мероприятий, относя лишь громкие политические процессы и преследование части коммунистов к личной непорядочности, властолюбию и коварству Сталина³.

После проведения массовых расправ 1937-1938 гг. стали появляться статьи и специализированные исследования о репрессивной системе в Советском Союзе за рубежом. Как отмечал впоследствии составитель справочника по истории ГУЛАГа Ж. Росси: «Мировое общественное мнение долго не хотело заметить советскую концентрационную действительность. После чистки 1937 г. не видеть ее мог лишь тот, кто не хотел»⁴. Свидетельства бывших узников советских лагерей, оказавшихся за границей, дали специалистам обширную информацию об основах пенитенциарной политики в СССР, методах ведения следствия, структуре ГУЛАГа и объемах применения рабского труда заключенных. Результатом обобщения этих данных стало публичное обвинение СССР Американской Федерацией труда в 1947 г. в использовании принудительного труда. Расследованием этого факта занялась Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП).

Итогом многолетней работы МКСП над сбором и анализом отрывочных сведений о советской лагерной системе стало издание в 1954 г. объемного исследования «Сталинские лагеря для поработанных»⁵. В нем достаточно подробно проанализированы изменения советского уголовного права. На основе многочисленных свидетельств была предпринята попытка описания сущности ГУЛАГа, основ режима, условий содержания заключенных, объемов применения подневольного труда лагерных контингентов. Ответной акцией на выход этой работы стала инспирированная НКВД СССР серия статей в зарубежных

периодических изданиях⁶. В них делалась попытка доказать, что лагеря в СССР предназначены исключительно для перевоспитания преступников и ни о каком рабском труде речи быть не может.

В отмеченный период за рубежом сложилось научное направление по изучению репрессий в СССР, в рамках которого проводилось исследование пенитенциарной системы, собирались сведения о численности и составе заключенных, мотивах их осуждения. В нашей стране эта тема умышленно не затрагивалась, вклад подневольных контингентов в строительство индустриальной основы страны и освоение малонаселенных территорий затушевывался, численность заключенных тщательно скрывалась.

Определенные попытки изучения репрессий и исправительно-трудовых учреждений были предприняты в сер. 1950-х - сер. 1980-х гг. После XX съезда КПСС была выработана официальная оценка репрессий в отечественной историографии. Было признано, что карательные методы в отношении классовых врагов и внутренней оппозиции являлись совершенно правильными, но при этом пострадало какое-то количество невиновных граждан. Проведение реабилитации части пострадавших, появившиеся в период «оттепели» литературные произведения на эту тему привлекли широкое общественное внимание к проблемам репрессий. Но, ввиду закрытости информации о деятельности карательных органов, явного идеологического давления на историков, трудов по проблемам репрессий и лагерей практически не появилось, за исключением работ по истории исправительно-трудовых учреждений в рамках МВД, которые были недоступны историкам и общественности⁷.

Начавшиеся в стране процессы «ресталинизации» сделали невозможным открытое обсуждение этих проблем, но в то же время активизировали самиздатовскую литературу, в которой публиковались западные исследования о политических репрессиях в СССР, численности заключенных и т.д. Существенным для отечественной историографии стало появление в середине 70-х гг. публицистического труда А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»⁸. Автор впервые подошел к оценке исправительно-трудовой системы с исключительно критических позиций, большое количество воспоминаний узников системы свел в единую стройную картину. Логика построения этой работы и оригинальные оценки ГУЛАГа как всеобъемлющей системы были заимствованы многими специалистами, пишущими на эту тему.

В зарубежной историографии данного периода приоритетное положение заняли комплексные исследования репрессивной политики в СССР. К ним относятся, прежде всего, труды А. Авторханова, Р. Конквеста, Б.Яковлева⁹ и др. В их работах затронут широкий круг проблем становления и развития карательной политики в советском государстве, предложены варианты периодизации истории репрессий. Работа Б.Яковлева явилась наиболее точным исследованием, хотя автор основывался исключительно на воспоминаниях бывших заключенных. Систематизация и анализ первичных сведений о лагерях привели его к четкому разделению этапов в развитии ГУЛАГа с 1918 по 1954 гг. Им были составлены алфавитный указатель лагерей и карта их размещения. Описанная Б.Яковлевым сфера компетенции различных управленческих структур в системе ГУЛАГа не потеряла значения по настоящее время. В числе рассмотренных им исправительно-трудовых учреждений был и действовавший в те годы Сибирский ИТЛ. Объемное исследование Р. Конквеста, в дополнение к концептуальным оценкам репрессий и лагерей в СССР, содержит материалы по фабрикации политических дел в Кузбассе, которым посвящена целая глава «Вредители» в Сибири». Рассмотренные данным автором методики оценки масштабов и направлений репрессий, численности заключенных,

смертности в лагерях и сегодня имеют существенное значение при анализе документальных материалов.

Капитальный труд профессора А. Каминского по истории и типологии концентрационных лагерей¹⁰ имеет важное значение для выявления роли и места советских ИТЛ среди им подобных. Автор ввел точное разграничение систем лагерей террора, лагерей уничтожения и лагерей принудительного труда. По утверждению А. Каминского, в СССР произошел быстрый переход от изоляции неугодных режиму лиц в лагерях к повсеместному использованию их труда в народном хозяйстве, такая же система была установлена практически во всех государствах социалистической ориентации.

При том, что зарубежные исследования являлись довольно подробными, раскрывали сущностные моменты применения репрессий в Советском Союзе, они имели ряд недостатков. В первую очередь, на качество этих работ отразилось отсутствие архивных документов и материалов, что привело ко многим неточностям в оценке деятельности лагерной системы. Недостаточно учтена авторами региональная специфика, внутренние процессы, протекавшие как при реализации репрессий, так и в подразделениях ГУЛАГа.

Современный период изучения истории репрессий и лагерной системы в СССР, начинается с 1989 г., когда было разрешено опубликовать некоторые материалы из секретных фондов архивов о репрессиях 30-х гг. Первоначальный поток публикаций по этой проблеме содержательно не отличался от работ зарубежных исследователей 60-70-х гг., на русском языке появилось большое число переводных трудов. Однако, в связи с расширением доступности ранее закрытых архивов, публикацией документов по различным аспектам репрессивной политики, выходом значительного числа статей и мемуаров в периодических изданиях, основой при рассмотрении сути и практики репрессивной политики стали: обширная документальная база, стройная система анализа и разумная взвешенность оценок.

Конец 80-х - первая пол. 90-х гг. были наполнены широчайшим общественным интересом к этим проблемам, практически ежедневно публиковались «сенсационные» открытия журналистов. Среди них стали появляться подготовленные к печати и прокомментированные историками документальные материалы. С 1991 г. доступной для широкого круга исследователей оказалась часть материалов спецхрана ГУЛАГа. Шел процесс накопления источникового материала, который к сер. 90-х гг. дал значительное количество опубликованных сборников документов и специальных исследований.

Обширный новый материал о деятельности ГУЛАГа содержался в публикациях В.Н.Земскова¹¹ и Н.Ф.Бугая¹². На основе изучения статистических материалов, хранящихся в фонде ГУЛАГа ГАРФ они рассмотрели динамику изменения численности и широкого круга характеристик лагерного контингента, ссыльнопоселенцев, ссыльных, высланных и депортированных народов. Вопросам изменения численности заключенных в конце 30-х годов по материалам Центрального архива народного хозяйства посвящена статья архивиста В.В.Цаплина¹³. Следует отметить, что данные авторы не дали в своих работах должного источниковедческого анализа статистики ГУЛАГа, которая не всегда была правдивой, они ограничились рассмотрением распределения контингента по статьям Уголовного кодекса, трудоустройству и национальности. На расхождение приведенного цифрового материала с региональными данными, в т.ч. и по численности заключенных Сиблага, указывает в своих монографиях ряд специалистов¹⁴. Однако значение приведенных выше работ остается очень высоким, так как в них впервые введен в научный оборот ценный комплекс источников.

Анализу системы ИТУ периода гражданской войны и начального этапа НЭПа посвящена книга Е.М. Гилярова и А.В. Михайличенко¹⁵. Эта работа подробно освещает проблемы становления советской пенитенциарной системы на ее начальном этапе, однако не лишена определенных недостатков. Авторы, сотрудники системы МВД, недостаточно критично оценивают систему исполнения наказания, рассматривают места лишения свободы как саморегулирующуюся структуру, не подверженную влиянию извне. На таких же подходах основана монография М.Г. Деткова о содержании карательной политики советского государства в 30-50-е годы¹⁶.

Оценка ГУЛАГа как составной части тоталитарного государства, дана в монографии Г.М.Ивановой¹⁷. Автор, используя материалы ГАРФ и Центра хранения современной документации, рассматривает на большом количестве примеров деятельность лагерной системы, ее вклад в экономику, кадровый потенциал сотрудников ИТУ. Влияние государства на демографические процессы в 20-30-е гг. стало предметом исследования Ю.А.Полякова¹⁸.

Со второй половины 90-х годов наблюдается увеличение числа публикаций о репрессиях и лагерной системе на региональных материалах. Активно в этом направлении работают исследователи Урала, Карелии, Рязани, Магадана и др. регионов¹⁹. В Сибири такими центрами стали Новосибирск, Томск, Кемерово²⁰. Как правило, в этих работах освещены частные вопросы деятельности исправительно-трудовых лагерей, описаны судьбы граждан, подвергшихся репрессиям. Включились в разработку данной тематики на материалах российских регионов зарубежные специалисты-историки²¹.

Значительным, этапным событием в ряду региональных исследований системы исправительно-трудовых учреждений стали крупные работы В.М.Кириллова²² и Л.И.Гвоздковой²³. В их монографиях детально рассмотрено участие подразделений ГУЛАГа в промышленном освоении Урала и Кузбасса, выявлена их специфика, отражены изменения, происходившие в составе лагерных контингентов. Эти исследования являются на сегодня самыми полными по спектру поднятых проблем в рамках отдельных регионов.

В появляющихся сегодня публикациях ученых-историков, в т.ч. и посвященных истории Сибирского ИТЛ, практически нет характеристик профессионального состава контингента заключенных, его социальных и образовательных особенностей. Существуют разногласия по вопросам о численности лагерного населения, количестве осужденных за уголовные, бытовые и так называемые контрреволюционные преступления. Практически не отслежены взаимосвязи между отдельными социальными и юридическими параметрами, характеризующими отбывавших наказание в лагерях. Отсутствуют в исследованиях по данной проблематике сравнения лагерного и гражданского населения территорий. Слабо освещены вопросы влияния заключенных и их традиций на местное население. Некоторые из указанных вопросов освещаются в настоящей диссертации.

¹См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. - Т.5., М., 1961; Исаев М. Основы пенитенциарной политики. - М.-Л., 1927; Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. - М., 1929; Вышинский А.Я. Суд и карательная политика советской власти. - Ленинград, 1925; и др.

²См. напр.: Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918-1923. - Берлин, 1924.

³См. напр.: Троцкий Л.Д. Сталин. - М., 1990; Раковский Х. Письмо Г.Валентинову // Вопросы истории. - 1989. - № 12.

⁴Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х ч. - Ч. 2. - М., 1991. - С.518.

⁵ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.1801.

⁶Перевод статьи «Тюрьмы в СССР» в № 4 «Англо-Советского журнала» (зима 1954-1955 г., Лондон) // ГАРФ, ф.9414, оп.3, д.96, лл.203-208; Перевод статьи Г.Кемпски «За колючей проволокой в Крюково» в западногерманском информационном листке (июнь 1955 г.) // Там же, лл.328-332.

⁷Кизилов Н.И. НКВД РСФСР (1917-1930). – М., 1969; Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970; Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917-1924 гг.). – Омск, 1980; и др.

⁸Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1-3. – Кемерово, 1991.

⁹Данные работы вышли в период 60-х-70-х гг., мы даем ссылку на последующие издания на русском языке: Авторханов А. Технология власти. // Новый мир, 1989, № 5-9; Конквест Р. Большой террор / В 2-х тт. – Рига, 1991; Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. – Мюнхен, 1955 (второе издание вышло в 1983 г.).

¹⁰Kaminski Andrzej J. Konzentrationslager 1896 bis heute. – Munchen-Zurich, 1990.

¹¹Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С.79-81; Он же, Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. – 1991. – № 5. – С.151-155; Он же, ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С.10-27; № 7. – С.3-17; Он же, ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. – 1991. – № 6-7. – С.69-70; Getty Arch J., Rittersporn Gabor T., Zemskov Viktor. N. Victims of Soviet Penal sistem in the pre-war years: a first approach on the basis of archival evidens. // The American Historical Review. – 1993. – № 4. – 1017-1049; и др.

¹²Бугай Н.Ф. Депортация народов СССР. – М., 1992; Он же, 20-50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С.175-185; и др.

¹³Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. – 1991. – № 4-5. – С.157-163.

¹⁴Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936. – М., 1995. – С.7; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в сер. 1920 - нач. 50-х гг.: Ч.1. – Нижний Тагил, 1996. – С.8-9; Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово, 1997. – С.97-100.

¹⁵Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917-1925 гг.). – Домодедово, 1990.

¹⁶Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. – Домодедово, 1992.

¹⁷Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М.: МОНФ, 1997.

¹⁸Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920-1930-е годы) // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С.122-128.

¹⁹Бедель А.Э., Славко Т.И. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале: 1930-1936 гг. Екатеринбург, 1994; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936. – М., 1995; Свидетельства истории. Публикация документов: Тоталитаризм и личность. Вып.4. – Екатеринбург, 1994; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале: 1930-1936 гг. – Екатеринбург, 1994; Карлаг в 40-х годах // Советские архивы. – 1991. – № 6. – С.30-46; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20-30-х гг. – Петрозаводск, 1992; Высшая мера // Карта (Рязань). – 1996. – № 10-11. – С.23-24; Романов С. Архипелаг ГУЛАГ: попытка картографирования // Там же, С.62-123; Козлов А. Из истории колымских лагерей (1932-1937). Краеведческие записки. Магаданский обл. краеведческий музей. Вып.17. – Магадан, 1991; Широков А.И. История формирования и деятельности «Дальстроя» в 1931-1941 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Томск, 1997; и др.

²⁰Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып.1-4. – Новосибирск,

1991-1996; Запецкий В. Колпашевский яр. - Новосибирск, 1992; Книга памяти репрессированных томичей «Боль людская»: В 4-х т. - Томск, 1991-1994; Репрессии 30-40-х гг. в Томском крае. - Томск, 1991; Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). - Томск, 1993; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х - нач. 50-х годов). - Томск, 1995; Книга памяти жертв политических репрессий в Кемеровской области. - Т.1-2. - Кемерово, 1995-1996; Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30-40-е гг.). - Кемерово, 1994; Фойгт Л.И. Сталинск в годы репрессий: Вып.1-2. - Новокузнецк, 1993-1995; Кузнецова Е.С. К вопросу о судьбах иностранных граждан в условиях сталинских репрессий (на примере Кузбасса). Постановка проблемы // Современные проблемы исторического краеведения. - Кемерово, 1993. - С.116-118; и др.

²¹См. напр.: Bonwetsch Bernd. Gulag // 200 Tage und 1 Jahrhundert Gewalt und Destruktivitat im Spieqel des Jahres 1945. - Hamburg, 1995; Kotkin Steven. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.

²²Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в сер. 1920 - нач. 50-х гг.: Ч.1-2. - Нижний Тагил, 1996.

²³Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. - Кемерово, 1997.

Целью данного исследования является выявление причин и особенностей изменения численности и состава заключенных в период 40-50-х гг. и определение направлений влияния лагерных контингентов на гражданское население близлежащих территорий.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть современное состояние изучения истории репрессий и лагерей 30-х-50-х гг.;
- дать характеристику групп источников по проблеме, в том числе массовых, определить их информационный потенциал, методы анализа;
- сформировать базу данных «Заключенные Сибирского ИТЛ» на основе формуляров заключенных Сиблага;
- провести количественный анализ данных карточек формы № 2 и выявить распределение лагерного населения по важнейшим классификационным признакам (полу, возрасту, статьям уголовного кодекса, срокам наказания, образованию и др.);
- проследить общие тенденции в развитии лагерной системы страны и Сибирского ИТЛ, выявить зависимость между различными параметрами, характеризующими заключенных;
- охарактеризовать направления влияния лагерного населения на состав жителей близлежащих территорий.

Территориальные рамки исследования охватывают северные районы Кузбасса (Мариинский, Чебулинский, Ижморский, Тисульский и Юргинский), в пределах которых в 1942-1960 гг. размещались подразделения Сибирского исправительно-трудового лагеря (Сиблага). Именно на этих территориях с двадцатых годов стали размещаться одни из первых в Сибири подразделений лагерной системы, а в 40-60-х гг. здесь действовали два из восьми крупных исправительно-трудовых лагерей Кузбасса: Сиблаг и Севкузбасслаг. Таким образом, можно изначально предполагать, что северные территории Кузбасса являлись местом повышенной концентрации заключенных.

Хронологические рамки определены периодом существования этого лагеря - от его организации в мае 1942 г. до передачи последних действующих лагерных отделений в состав управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УМВД Кемеровской области в 1960 г.

Предметом изучения в данной работе являются закономерности и особенности изменения состава заключенных регионального исправительно-трудового лагеря в 1942-

1960 гг., ставшие прямым следствием реализовывавшейся здесь советским тоталитарным режимом репрессивной политики.

Объектом исследования являются заключенные Сибирского исправительно-трудового лагеря, составлявшие несколько больших групп лагерного контингента периода 30-х-50-х годов, из которых категория «контрреволюционеров» - осужденных по политическим мотивам - заслуживает наиболее подробного изучения.

Методология и методика работы. В осмыслении основных проблем данного исследования автор исходит из цивилизационного подхода, рассматривающего личность человека, его жизнь, как самостоятельную ценность. Ограничение прав и свобод гражданина в исправительно-трудовых лагерях противоречило выработанным в мировой цивилизации и закрепленным в «Декларации прав человека» общегуманистическим нормам.

Автор придерживается общих методологических принципов историзма, системности и научной объективности, полагая, что исправительно-трудовые лагеря являлись подсистемой единой социокультурной общности, в которой происходило постоянное взаимопроникновение с другими субъектами, тесно соприкасавшимися с ними территориально, по службе или по совместной работе на объектах народнохозяйственного комплекса. Они имели внутреннюю самостоятельную структуру, закономерности в развитии и функционировании. Реализация репрессивной политики в исправительно-трудовых лагерях рассматривается нами как неотъемлемая составляющая всей государственной политики с первых дней существования советской власти. В процессе работы автор стремился, по возможности, беспристрастно подойти к объекту исследования, раскрыть как внутреннюю логику изменения состава заключенных, так и всю совокупность факторов, влиявших на развитие лагерной системы.

Методика диссертационного исследования сочетает методы содержательного анализа с математико-статистическими методами. Наряду с традиционными в исторической науке сравнительно-историческим, историко-типологическим и др., нами были использованы статистические методы: контент-анализ, выборочное исследование, «нулевая» гипотеза, метод обобщающих показателей, реализованные при создании и обработке специализированной базы данных «Заключенные Сибирского ИТЛ».

Источниковую базу диссертации составляют как опубликованные источники, так и, главным образом, неопубликованные материалы, выявленные автором в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) и архиве управления внутренних дел при администрации Кемеровской области (А УВД АКО).

Находящиеся в нашем распоряжении документы можно условно разделить на группы по характеру содержащейся в них информации. Первую группу составляет наиболее важный для нас комплекс массовых источников - картотека заключенных Сиблага. Она состоит из более чем 100 тыс. унифицированных формуляров, содержащих первичные сведения и характеризующих лагерные контингенты по 24 признакам. Сведения, внесенные в карточки заключенных, не подвергались изменениям, сами формуляры не изымались в силу того, что картотека активно используется информационной службой УВД для выдачи справок по персоналиям. Более подробная характеристика этого источника дана в первой главе диссертации.

Большое значение при характеристике заключенных Сиблага, причин изменения их численности, рассмотрении различных вопросов деятельности самого лагеря имеет вторая группа источников - делопроизводственная документация исправительно-трудовых учреждений - которая, в свою очередь, подразделяется на три подгруппы.

Первая из них - документация центрального органа лагерной системы, хранящейся в фонде ГУЛАГа ГАРФ (ф.9114). Среди них большое число инструктивных документов, приказов и распоряжений, определявших состояние режима, быта и производства на местах, предписывающих проведение конкретных мероприятий. Кроме этого, в данном фонде сосредоточены материалы, показывающие картину лагерной жизни в государстве и отдельных лагерях. При сравнении с документами местных архивов, мы отмечаем обобщенный характер сведений ГУЛАГа, утрату, а то и сознательное скрытие информации. В то же время, по данным центрального ведомства отчетливо прослеживается место Сибирского ИТЛ в ряду других лагерей, его типические и особенные черты.

Вторую подгруппу составляет делопроизводственная документация местных органов управления, в частности, материалы, хранящиеся в ГАКО в фонде административных органов Кемеровской области (отчеты, акты, докладные записки областного управления мест заключения). Среди них есть ряд материалов по деятельности Сибирского ИТЛ, который был переподчинен этому органу с 1949 г. В рассмотренных нами документах присутствуют обобщенные сведения по составу и трудоустройству заключенных, состоянию режима, быта, оперативной работы в лагерных отделениях и лагпунктах. Документы проверок, проведенных в Сиблаге, зачастую нелицеприятны, содержат богатую информацию о допущенных там нарушениях, показывают реальное состояние дел. Достоверность документов достаточно высока, т.к. они были предназначены для внутреннего использования и не могли отрицательно повлиять на судьбы составлявших их лиц.

Велико значение при исследовании изменений численного и качественного состава заключенных делопроизводственной документации управления Сибирского ИТЛ. Она отложилась в архиве УВД АКО в двух фондах: Сиблага и музея УВД. Широкий спектр лагерной действительности представлен в приказах и распоряжениях начальников данного лагеря. Приказы подразделены на особые группы по сущностным моментам содержащейся в них информации и степени секретности. Несомненный интерес для исследователя имеют приказы по личному составу работников лагеря, в которых нашли отражение вопросы штатной комплектности подразделений, характеристик кадровых и вольнонаемных сотрудников. Зафиксированные в них формы и способы комплектования работниками дают возможность проведения более точного анализа взаимодействия лагеря и населения окружающих его территорий. В общих приказах и распоряжениях по лагерю и его подразделениям охарактеризованы вопросы производственной деятельности, раскрыта структура управления, содержится значительный объем сведений о жизни и труде заключенных.

Совершенно секретные приказы по управлению лагеря содержат информацию о режиме содержания осужденных, вопросах внутренних и межлагерных перебросок этапов, оперативно-чекистской и учетно-распределительной работе с заключенными. К части документов приложены статистические материалы, в некоторых продублированы приказы вышестоящих органов, что также повышает информативную ценность источника. Особняком в этом ряду стоит «Акт об образовании Сиблага НКВД», в котором содержится полная информация о лагере и его населении на 1942 г.

Особенностью делопроизводственной документации Сиблага можно считать высокий уровень субъективности содержащихся в ней оценок, так как эти документы отражают исключительно одну позицию - лагерного руководства. Многие документы не сохранились, например, среди общих приказов отсутствуют дела за некоторые годы, в ряде единиц хранения отсутствуют целые блоки приказов. Анализ этих документов позволяет определить важные моменты, приведшие к изменениям внутреннего содержания лагерной жизни в Сиблаге, переменам в составе заключенных.

Третьей группой, в части материалов во многом сходной с предыдущей, является делопроизводственная документация партийных органов. Именно партия на протяжении длительного времени определяла основные принципы пенитенциарной политики, решала вопросы «перевоспитания» осужденных и политического контроля над репрессивными органами. Документация политотдела ГУЛАГа хранится в фонде 9401 ГАРФ. В ней представлены обобщенные материалы по деятельности пенитенциарной системы, обзоры перлюстрации писем заключенных, конкретные рекомендации по результатам проверок деятельности отдельных лагерей. Большим количеством докладных и служебных записок, содержащих предложения по реформированию системы исправительно-трудовых учреждений, отмечен период конца 40-х-50-х годов.

На местном уровне к этой группе относятся документы фонда политотдела Сибирского ИТЛ и политотдела управления мест заключения Кемеровской области. В них отложились материалы партийных конференций, производственно-хозяйственных активов, персональных дел на отдельных сотрудников лагеря. Особый интерес представляют материалы обзоров партийно-политической и культурно-массовой работы в лагерных подразделениях, сводки о состоянии производства, режима, оперативной работы и быта. Материалы комиссии по пересмотру дел осужденных за политические, должностные и хозяйственные преступления позволяют охарактеризовать государственную политику по отношению к репрессиям в 50-е гг.

Четвертая группа - статистические материалы, содержащиеся в фонде ГУЛАГа ГАРФ. Среди них особое значение имеют сводки по трудовому использованию лагерных контингентов, которые позволяют охарактеризовать состав заключенных по физическому состоянию. Сохранившиеся разрозненные сведения о качественном составе осужденных, находящихся в местах лишения свободы, позволяют провести сравнение по важнейшим характеристикам лагерного населения. При выявлении места и роли Сибирского ИТЛ в структуре населения Сибири и лагерной системе использовались некоторые материалы переписи населения 1939 г., хранящиеся в РГАЭ.

Воспоминания жертв репрессий и очевидцев лагерной действительности, опубликованные отдельными изданиями и в периодической печати, позволяют внести коррективы в понимание сущностных моментов в истории репрессивной политики государства. Мемуары бывших заключенных, при присущей им субъективности, позволяют оживить историческое полотно, знакомят с тонкостями жизни и быта в лагерях. Неоцененным в полной мере видом источников являются материалы фото- и видеосъемок сохранившихся объектов лагерей на территории Кузбасса, видео- и аудиозаписей свидетелей. В дополнение к уже названным группам источников, они дают информацию об условиях труда и быта, архитектуре, фольклоре и пр.

В 1990-е годы было издано несколько сборников документов, содержащих материалы ведомственных и государственных архивов о структуре ГУЛАГа и отдельных направлениях его деятельности, о специфике применения принудительного труда заключенных в экономике Кузбасса²⁴. Важное значение для проведения анализа лагерной

системы имеют законодательные и нормативные акты - Уголовные кодексы РСФСР и союзных республик, законы и указы, по которым производилось помещение в места лишения свободы, акты об амнистии²⁵. При выявлении граждан, безвинно пострадавших в годы массовых репрессий, применялось современное законодательство Российской Федерации по вопросам реабилитации²⁶.

Комплексное исследование вопросов изменения численности и состава заключенных возможно только при критическом подходе в использовании всех вышеперечисленных групп исторических источников. Анализ данных материалов позволяет воссоздать объективную картину существования людей в исправительно-трудовых лагерях в исследуемый период.

---

²⁴Неизвестный Кузбасс: Вып.1. - Кемерово, 1993; Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.): Т.1-2. - Кемерово, 1994; Неизвестный Кузбасс. Тоталитарная система: палачи и жертвы: Вып.2. - Кемерово, 1995; Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. - Т.1-2. - Кемерово, 1995, 1997.

²⁵Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. - М., 1959; Ведомости Верховного Совета СССР. - 1942-1960.

²⁶Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.91 г. с изменениями и дополнениями, внесенными 22.12.92 г. и 3.09.93 г. - М., - 1995.

Научная новизна работы состоит в постановке основных проблем исследования, привлеченной источниковой базе и методах ее анализа. Впервые на региональном уровне рассматривается состав лагерных контингентов по столь широкому спектру их характеристик. На конкретном историческом материале выявляется соотношение центральной и региональной составляющих, определявших совокупный облик лагерного населения, его структуру. Предложены варианты оценки влияния заключенных на состав и основные характеристики жителей прилегающих к лагерям территорий.

Проведение исследования о численности и составе заключенных на ограниченном полигоне предусматривает введение в научный оборот материалов картотеки Сиблага, воспоминаний очевидцев событий, собранных в ходе экспедиций по местам расположения лагерных подразделений, а также документов из недавно открывшихся фондов архивов.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в обобщающих трудах по проблемам репрессий и лагерей в Сибири, истории освоения восточных регионов страны, при чтении курсов по отечественной истории, спецкурсов в высших учебных заведениях. Материалы данного исследования могут оказаться полезными для работников комиссий по реабилитации жертв массовых политических репрессий, членов общественных объединений, представителей средств массовой информации в деле восстановления справедливости по отношению к безвинно пострадавшим в годы сталинского террора по отношению к гражданам своей страны.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений. Содержание диссертационной работы изложено на 203 страницах текста, приложения занимают 35 страниц.

Основное содержание работы

Во введении обоснованы актуальность темы, ее хронологические и территориальные границы, определены цель и задачи исследования, методологические принципы и методы работы, проведен историографический анализ и дана общая характеристика источниковой базы.

Первая глава «Методика проведения исследования картотеки заключенных Сибирского ИТЛ» состоит из двух разделов: 1. Характеристика источника и описание базы данных; 2. Выборочное исследование формуляров заключенных. В этой главе автор обосновывает информационную насыщенность картотеки заключенных, способ ее представления в машиночитаемом виде и определяет объем репрезентативного выборочного исследования.

Картотека заключенных Сибирского ИТЛ, хранящаяся в текущем архиве УВД администрации Кемеровской области, велась все годы существования лагеря - с 1942 по 1960 гг. Общее количество формуляров единой для ГУЛАГа формы № 2 свыше 100 тысяч. Все они в достаточно хорошей степени сохранности расположены в каталожных ящиках в алфавитном порядке. Полнота источника гарантирована ведомственными инструкциями и его включенностью в работу по поиску сведений о персоналиях. При оценке достоверности необходимо делать поправку на то, что при заполнении формуляров некоторые заключенные могли называть иные социальное происхождение, партийность, национальность и пр. Отдельные недочеты в оформлении карточек заключенных не были вызваны целенаправленными действиями, не носили систематического характера и не могут, в целом, отрицательно повлиять на информационную насыщенность этого источника.

В картотеке Сиблага встречаются две разновидности бланков. Наряду со стандартными формулярами, в период организации лагеря часть бланков печаталась в местной типографии. В карточках конца 40-х - нач. 50-х гг. в одной графе были объединены такие характеристики, как «профессия» и «специальность», отсутствовала информация о социальном происхождении и некоторые другие параметры. Однако сопоставимыми оставались важнейшие показатели: пол, дата и место рождения, национальность, место жительства, образование, даты ареста и осуждения, статья Уголовного кодекса, судебный или внесудебный орган, даты прибытия и убытия из лагеря, откуда прибыл и куда направлен, внутрелагерные перемещения.

Для извлечения хранящейся в картотеке заключенных Сиблага информации (как статичной, так и динамичной) была создана компьютерная база данных состоящая из 24 полей. В связи с необходимостью решения отдельных исследовательских задач была произведена декомпозиция исходной информации в виде создания многотабличной конструкции. Для этого было создано более 20 производных файлов общим объемом 24 МВ. Формат хранения данных - dBASE IV. Объем - 398,663 КВ.

Проведение исследования сплошного массива информации, хранящейся в картотеке заключенных Сиблага, потребовало бы значительных затрат времени. Поэтому перед нами стояла задача целесообразности проведения исследования такого объема карточек, который бы обеспечил достаточно высокий уровень представительности. Мы воспользовались методами научно обоснованной выборки.

Объем выборки определялся на основании имеющихся сведений об исходном объеме генеральной совокупности с учетом задач исследования и характера распределения признаков. Он составил 6 тыс. формуляров (16%). Механический отбор единиц

наблюдения обеспечил равную возможность попадания в выборочную совокупность любого формуляра и равновесие естественного соотношения между признаками внутри нее. Средняя ошибка выборки (средняя средних ошибок по отдельным признакам) равна 0,39. Надежность выборки, при которой погрешность меньше 0,02 равна 95%. Эти довольно высокие показатели подтверждают, что проведенное нами выборочное исследование является репрезентативным, а выводы, сделанные на его основе, будут достаточно показательны для всей генеральной совокупности - картотеки заключенных Сибирского ИТЛ.

Вторая глава «Численность и движение контингента заключенных Сибирского ИТЛ» подразделяется на три раздела: 1. Роль и место Сибирского ИТЛ в пенитенциарной и экономической системах Кузбасса; 2. Численность контингента заключенных в 1942-1960 гг.; 3. Источники пополнения и динамика изменений численности заключенных.

Как самостоятельное подразделение в системе сталинских лагерей Сибирский исправительно-трудовой лагерь был выделен в 1942 г. В период 1940-1950-х гг. он являлся самым крупным ИТЛ Кемеровской области. На протяжении ряда лет он имел заметное влияние в аграрном секторе Кузбасса. В своем исследовании истории репрессий и исправительно-трудовых лагерей Кузбасса Л.И.Гвоздкова отмечает, что «валовый объем всей выпускаемой лагерем продукции (по сравнению с гражданским) достигал: в животноводстве, растениеводстве - 50-60%, в лесозаготовках - 80-90%». Сибирский ИТЛ неоднократно становился победителем соревнования среди лагерей, в годы войны несколько раз награждался переходящим знаменем ГУЛАГа за перевыполнение производственных показателей.

Таким образом, Сибирский ИТЛ являлся значимым компонентом как среди пенитенциарных учреждений Кемеровской области, так и среди исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, которому он был непосредственно подчинен. Деятельность данного лагеря имела важное значение для региональной экономической системы, в которой он не имел аналогов ни по масштабам производства, ни по численности занятых. Высокий уровень представительства в Сиблага политических заключенных представляет исследователю возможность на его примере рассмотреть внутренние особенности комплектования ИТЛ заключенными.

Имеющаяся в опубликованных документах и исследованиях информация о численности заключенных Сиблага крайне скудна. Это вызвано различными причинами: отсутствием в архивных фондах сводок за некоторые годы, изменением форм отчетности, несовпадением дат, непропорциональностью временных периодов для имеющегося цифрового материала и пр. В то же время существует возможность на ее основе сделать общие, предварительные выводы о наполняемости лагеря на различных этапах его существования. Например, по сведениям акта выделения Сиблага НКВД, максимальное число заключенных в Сиблага - 33737 чел. находилось в лагере на 1.04.42 г. Мы встречаем довольно близкие цифры в других документах: в 1952 г. - 30779 чел.; в 1953 г. - 30208 чел. Как правило, на протяжении 1942-1953 гг. численность заключенных Сиблага, согласно гулаговским документам, была вблизи 30-тысячной отметки.

Резкий спад числа лагерного населения отмечен в 1953 г.: от 30208 чел. - до 16558 чел. Сокращение количества заключенных практически вдвое напрямую связано с проведением амнистии. Лагерная система была основательно подорвана этой акцией и Сиблаг уже никогда в последующие годы не смог подняться до занимаемых им прежде позиций. Еще достаточно много заключенных находилось в лагере в 1954 г. - 17670 чел.,

но впоследствии их становилось все меньше и меньше. В 1956 г. было всего 10069 чел. - одна треть его пропускной способности.

Динамика изменений численности заключенных Сибирского ИТЛ, выявленная в ходе выборочного исследования картотеки, подтверждает общую для всей лагерной системы того периода тенденцию снижения числа лиц, подвергшихся репрессиям. На ее основе можно выделить три самостоятельных этапа в истории существования Сиблага.

В первые годы деятельности (1942-1944 гг.) Сибирский ИТЛ был практически полностью укомплектован заключенными. Важное значение в этом имел тот факт, что лагерь считался оздоровительным и в него регулярно приходили этапы с ослабленным контингентом, из северных и сибирских ИТЛ, занятых на горных и лесных работах. Они составляли основную часть всех прибывавших в Сиблаг. Дополнительным источником комплектования рабочей силой являлись также подследственные граждане из ряда кузбасских городов. При лагере до конца войны оставались задержанные по директиве № 185. В данный период в нем наблюдалось наибольшее количество заключенных по сравнению со всеми последующими годами, а также было отмечено превышение числа прибывавших над убывавшими из него. Как во всякой развивающейся вширь системе, в Сиблаге велось строительство новых подразделений, увеличивалась пропускная способность.

В период 1945-1953 гг. несмотря на неуклонное снижение числа содержащихся в Сибирском ИТЛ людей, не происходило резких изменений этого показателя. Регулярная замена контингентов производилась в пределах 1/5 части от общего количества заключенных, причем число вновь прибывших и отправляемых было примерно равным. Ряд проведенных в этот период амнистий (наиболее массовые из них - 1945 и 1953 гг.) привел к тому, что по этой причине лагерь покинуло большое число заключенных. Появилась в 1947 г. и постепенно увеличивалась группа освобожденных с применением зачетов рабочих дней. Показатель смертности заметно снижался. Последовательно увеличивалось число переведенных в другие исправительно-трудовые лагеря. С другой стороны, на фоне постепенного уменьшения поступления осужденных из следственных и пересыльных тюрем, стабильно возрастало значение исправительно-трудовых лагерей как основного источника пополнения Сиблага. В целом, в отмеченный период выходцев из села было больше, чем горожан, но после выхода в 1947 г. указа «О хищении социалистической собственности» на непродолжительное время эти группы сравнялись. Привлечение большого числа людей к уголовной ответственности в соответствии с вышеупомянутым указом явилось, по существу, компенсирующей мерой, примененной для заполнения пустующих мест в лагерях.

Период с 1954 по 1960 гг. явился завершающим в истории Сиблага. После амнистии 1953 г. произошло резкое сокращение численности заключенных и были закрыты некоторые подразделения лагеря. В последующие годы эти процессы продолжились, вплоть до передачи в 1960 г. немногих действовавших лагпунктов с содержащимися в них людьми в ведение Кемеровского областного управления внутренних дел. Показатель движения заключенных в данный период значительно увеличился, причем отток из лагеря более чем в 2 раза превысил количество новых пополнений. В комплектовании Сиблага усилилась роль тюрем, что вполне соответствовало повсеместно проводившемуся сокращению лагерной системы. Заметно расширилось поступление осужденных из европейской части СССР. Существенное значение имело то обстоятельство, что от 90 до 97% покидавших лагерь людей было освобождено. Среди причин освобождения из-под стражи явно выделялись амнистии. В то же время впервые сравнялись показатели освобожденных по

окончанию срока и вышедших с учетом зачета рабочих дней и на основании пересмотра следственных дел и обвинений.

В движении заключенных за весь период существования Сибирского ИТЛ отмечаются две ведущие тенденции. Первая обусловлена абсолютной включенностью данного лагеря в пенитенциарную систему государства. Она явно прослеживается в моментальной реакции на любой значительный всплеск репрессий - это выразилось в увеличении числа заключенных. Прямая реакция следовала и на сокращение числа осужденных к исправительным работам с отбыванием срока в ИТЛ, амнистиям и пр. Вторая связана с особенностями самого Сибирского ИТЛ, громоздкого специализированного подразделения ГУЛАГа, бывшего самым крупным среди подобных учреждений Кузбасса. Сокращение лагерного контингента показывает нам, что значение данного учреждения, его роль как элемента репрессивной системы последовательно уменьшалась. При рассмотрении источников комплектования Сиблага выделяется ряд специфических черт, отразившихся на составе населявших его контингентов: 1) оздоровительный профиль лагеря; 2) региональный характер комплектования (большинство попадавших в данный лагерь заключенных либо жили в восточной части страны, либо уже отбывали здесь свой срок); 3) производственная специализация (вначале свиноводческая, а затем сельскохозяйственная), что требовало наличия специалистов, в частности, жителей сельской местности; 4) расположение вблизи Транссибирской железнодорожной магистрали и развитая сеть путей сообщения, позволявшие использовать лагерь как очень большой пересыльный пункт (в кратчайшие сроки проводилось рассредоточение вновь прибывших по лагпунктам и так же быстро отправлялись этапы из лагеря).

Третья глава «Изменение качественного состава заключенных Сибирского ИТЛ» содержит три раздела: 1. Историко-правовая характеристика заключенных, сроки наказания; 2. Половозрастная характеристика, профессиональный и образовательный уровень осужденных; 3. Дифференциация заключенных по национальности, социальному происхождению и партийной принадлежности.

В Сибирском ИТЛ на протяжении многих лет группа политических заключенных была довольно многочисленной и составляла около 50%. Несколько меньше их было в 1942-1944 гг. (34%) и в последние годы деятельности лагеря (23%). Сроки наказания, применявшиеся к различным категориям осужденных, значительно повлияли на их представленность в лагере. Среди «контрреволюционеров» отсутствовали лица со сроком исправительно-трудовых работ до 3-х лет, около 1/3 их состава имели срок заключения от 3 до 10 лет, большая же часть (70%) - долгосрочники (свыше 10 лет). У других категорий лагерного населения 19% составили лица, осужденные к незначительным срокам. Две другие группы соответственно - 44% и 37%. В динамике отчетливо видна устойчивая тенденция к увеличению доли политических заключенных, имевших большие сроки от 44% в 1942-1944 гг. - до 88% к 1954-1956 гг.

Прослеживается тесная связь между органами, вынесшими приговоры заключенным, и квалификацией обвинения. Всплески политических репрессий представлены активной деятельностью внесудебных органов. Например, Особое совещание и «тройки» определили судьбу более чем 50% осужденных в 1937-1938 гг. Роль военных трибуналов была значительной в годы войны. Через народные суды, принимавшие решения по бытовым и уголовным преступлениям, прошли значительное число осужденных по предвоенным указам и большинство заключенных лагеря конца 40-50-х гг.

В составе лагерных контингентов Сиблага преобладали мужчины (68%). В динамике это выразилось изменением соотношения мужчин и женщин от 3:1 на этапе организации

лагеря к 1:1 в последние годы его существования. Постепенное увеличение доли женщин в лагерных контингентах вполне объясняется производственными задачами, стоявшими перед сельскохозяйственным Сиблагом. Большая часть полевых и животноводческих работ не только могла выполняться, а зачастую и требовала труда женщин, например, доение коров, выращивание молодняка, прополка. Практически все заключенные лагеря - люди трудоспособного возраста (от 18 до 55 лет). Наибольшее количество людей пожилого возраста отмечено в 1942-1944 гг. (12%).

Профессиональный состав заключенных лагеря можно наметить довольно условно. Эта статья не была включена в вариант учетной формы образца 1949 г., поэтому упоминание профессии заключенного до ареста встречается всего лишь в 50% формуляров. Из них более 2/3 - представители рабочих профессий. Среди рабочих безусловное большинство составляли представители тех профессий, которые вполне соответствовали производственному профилю Сибирского ИТЛ: слесари, трактористы, водители, электрики, токари, плотники и т.д. Часть заключенных в графе «профессия» указала, что они являются колхозниками. Несмотря на тот факт, что лагерь комплектовался ослабленным контингентом, существовал естественный отбор пригодных к выполнению ряда сельскохозяйственных и прочих работ. В категории служащих наиболее распространены были профессии бухгалтера, продавца и педагога. Если представители двух первых, как правило, попадали в места лишения свободы за хищения, то большинство последних было осуждено по политическим обвинениям.

Среди заключенных Сибирского ИТЛ преобладали люди малограмотные и имевшие неполное среднее образование (72%), всего 6% заключенных имели среднее образование и еще 4% - среднее специально и высшее. Полностью неграмотными были 8% отбывавших наказание. В динамике четко прослеживается тенденция к уменьшению числа неграмотных. При сравнении уровня грамотности мужчин и женщин этот показатель всегда выше у мужчин, в том числе и в различных возрастных группах. Вопросы образовательного уровня заключенных интересовали лагерное руководство всегда. Особенно большое внимание уделялось профессиональной подготовке специалистов из осужденных по бытовым статьям. С момента образования Сиблага в него был включено специальное подразделение - Учебный комбинат, готовившее специалистов для всех лагерных отделений.

Среди заключенных лагеря преобладали представители коренных национальностей СССР. По итогам выборочного исследования подтверждаются общие для ГУЛАГа тенденции распределения заключенных по национальному признаку. Абсолютное большинство контингента - русские (58%), относительно много было украинцев (12%), татар (4%), белорусов (3,5%). Из этого ряда явно выбиваются представители не столь многочисленных народов, которые в составе Сибирского ИТЛ имели высокий удельный вес. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о целенаправленности репрессий в отношении немцев, жителей присоединенных к СССР в конце 30-40-х гг. территорий и др. От общего числа заключенных лагеря немцы составляли 3%, литовцы - 2%, латыши - 1%. Результаты депортации народов в военные и послевоенные годы как в зеркале отразились на национальном составе лагерного контингента. Для более полной характеристики национального состава заключенных Сиблага и определения специфики этих групп мы выявили в них удельный вес осужденных по политическим статьям. В 11 национальных группах из выделенных нами 16 имелось более 50% осужденных по политическим обвинениям.

По социальному происхождению абсолютный приоритет у выходцев из крестьянской среды - их 60%, значительно меньше в лагере было представителей рабочих - 21%,

служащие составляли 6%. Подавляющее большинство из указавших партийную принадлежность составляли члены ВЛКСМ и ВКП(б) - КПСС - 56% и 40%. Встречаются и довольно редкие записи, связанные с присутствием военнопленных-фашистов («гитлерюгенд», «национал-социалистская немецкая рабочая партия») и временами многопартийности в России («Союз Бунда»).

Лагерь, несмотря на охрану и тройное ограждение из колючей проволоки и досок, не был полностью изолирован от местного населения. Жители расположенных вблизи лагерных зон сел служили охранниками, надзирателями, вольнонаемными служащими в подразделениях. Некоторые охотно участвовали в поисках и задержании совершивших побег, кто-то работал учителем в лагерных школах, кто-то - врачом в госпиталях и медпунктах. В суровые военные и послевоенные годы многие местные жители налаживали связь с «зонами» и выживали во многом благодаря натуральному обмену продуктами и вещами. Большую часть заключенных, оседавших на прилегающих к лагерю территориях, составляли «бытовики». Они не несли серьезной угрозы для государства и, как правило, были выходцами из этой же местности. Именно они определяли влияние лагерной культуры на местное население, поскольку все, воспринятое ими за колючей проволокой, они могли доходчиво донести до селян.

В заключение диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, к которым пришел автор.

Сибирский ИТЛ являлся самым крупным из расположенных на территории Кемеровской области лагерей на протяжении 1940-1950-х гг. В его истории выделяются три этапа: первый - период роста (1942-1945 гг.); второй - 8 лет стабильного существования (1946 - нач. 1953 гг.); на третьем этапе (сер. 1953-1960 гг.) при общем регрессе лагерной системы происходило совершенствование форм и методов содержания заключенных. Из ряда других исправительно-трудовых учреждений Кузбасса его выделяли: прямая подчиненность ГУЛАГу, сельскохозяйственная специализация, «оздоровительный» профиль, большое количество заключенных и значительный процент среди них осужденных по политическим обвинениям.

За время существования лагеря через него прошло свыше 100 тыс. человек. Политические заключенные составляли в среднем около 50%, причем на разных этапах развития Сиблага при изменении репрессивной политики государства соотношение между ними и иными группами осужденных менялось. Проводившиеся в стране амнистии эту категорию практически не затронули, поэтому, после освобождения больших групп бытовиков, ее удельный вес в составе заключенных Сиблага всегда возрастал.

В комплектовании лагеря заключенными отмечена прямая зависимость от общей направленности репрессий в стране. К специфическим особенностям контингента Сиблага относятся: преобладание в его составе выходцев из крестьян, как правило, жителей сибирского региона; наличие профессии или навыков труда, применимых в сельском хозяйстве; обилие инвалидов и ограниченно годных к общим работам.

Сиблаг, расположенный вблизи путей сообщения и выполнявший сельскохозяйственные работы, считался своеобразной «здравницей» для заключенных. Сюда свозились инвалиды и нетрудоспособные контингенты из других лагерей, которые по прошествии некоторого времени, поправив здоровье, возвращались в те же самые горные, лесозаготовительные и строительные подразделения. Сибирский ИТЛ в структуре ГУЛАГа являлся одним из главных поставщиков продуктов питания, одежды и пр. Часть

произведенной продукции отправлялась гражданским потребителям Кемеровской области.

Большое значение данный лагерь оказал на развитие сельскохозяйственной отрасли на территории северных районов Кузбасса. Животноводческая специализация хозяйств, созданных на базе бывших подразделений лагеря, сохраняется на протяжении 40 лет. Лагерные постройки и социальная инфраструктура создали основу наиболее крепких в экономическом плане сельскохозяйственных предприятий.

Существование исправительно-трудового лагеря на территории северных районов Кузбасса оставило после себя не только поселки, промышленные объекты, дороги и пр. Гораздо страшнее последствия социальные, духовные, нравственные. Сегодня в г. Мариинске, бывшем в те годы «столицей» лагеря, и окружающих его районах практически каждый пятый человек прошел через лагерь, в том числе и сталинские. Не удивительно поэтому высокая преступность в городе и регионе.

Контакты между заключенными и местными жителями осуществлялись различными способами. Многие местные жители работали в лагере, использовали труд заключенных в личном хозяйстве. В военные и послевоенные годы широкое распространение получила система натурального обмена местного населения с лагерниками. При этом лагерные традиции и язык повсеместно внедрились в сознание гражданского населения.

Таким образом, заключенные оседали на территории Кемеровской области, изменяя социальные параметры сибирской деревни. Плоды этих перемен мы ощущаем и сегодня, поскольку самая активная часть современного взрослого населения является детьми и внуками тех самых заключенных. Эти люди воспитывались в страхе перед системой, заложенном в их родителях. Именно в этом следует искать корни сегодняшней безынициативности, боязни перемен, молчаливого ожидания лучших времен. В настоящее время социальная активность селян гораздо ниже, чем у городского населения Кузбасса.

Апробация результатов исследования осуществлялась автором предлагаемого диссертационного сочинения на научных конференциях, а также в рамках учебного курса «Карательная политика в СССР», читаемого соискателем в Кемеровском государственном университете.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Из истории Сиблага: система территориального управления // Современные проблемы исторического краеведения. - Кемерово, Кузбассвузиздат, 1993. - С.116-118.
2. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). Т.1. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. - 288 с. (в соавторстве с Гвоздковой Л.И.).
3. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). Т.2. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. - 248 с. (в соавторстве с Гвоздковой Л.И.).
4. Картоoteca заключенных как источник по истории Сиблага (Сибирского ИТЛ НКВД/МВД СССР) // История России XX века по материалам массовых источников. - Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1994. - С.19-20.
5. Социальный состав контингента Сиблага (по материалам картотеки УВД администрации Кемеровской области // Современные проблемы исторического краеведения. - Кемерово: Изд-во Института усовершенствования учителей, 1994. -С.78-80.
6. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т.1. -Кемерово: Полиграфкомбинат, 1995. - 248 с. (в соавторстве с Гвоздковой Л.И., Вараксиной Л.Л., Кузнецовой Е.С., Кустовой Н.Ф., Рашовой Н.А.).

7. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т.2. - Кемерово: Полиграфкомбинат, 1997. - 284 с. (в соавторстве с Гвоздковой Л.И., Дизендорфом В.Г., Кузнецовой Е.С., Кустовой Н.Ф.).
8. Сиблаг в годы Великой Отечественной войны (1942-1945 гг.) // Материалы XXXIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1996. - С.91-92.
9. Комплексное исследование истории сталинских репрессий и лагерей на территории Кузбасса // Библиотечная жизнь Кузбасса / Вып.2 (13). - Кемерово, 1996. - С.34-37.
10. О формировании корпуса источников по истории сталинских лагерей в Кузбассе // Сборник научных работ Корпорации мыслящих людей. - Кемерово, 1997. - С.59-66.
11. Источники пополнения заключенных Сибирского ИТЛ // Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосибирский ун-т, Новосибирск, 1997. - С.102-104.
12. Численность контингента заключенных Сибирского ИТЛ в 1942-1960 гг. // Сибирские архивы и историческая наука. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Государственного архива Кемеровской области. - Кемерово, 1997. - С.64-69.
13. Проблема изменения численности заключенных (на примере Сибирского ИТЛ) // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Материалы региональной научно-практической конференции - Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. - С.147-151.
14. Категории заключенных исправительно-трудовых лагерей 30-50-х гг.: проблемы определения // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность: Материалы научной конференции, 30 октября 1997 г. - Кемерово: Кузбассвузиздат. - С.44-46.